

Михаил Наконечный

Алан Баренберг. От города ГУЛАГа к моногороду: принудительный труд и его наследие в Воркуте. Пер. с англ. Роберта Ибатуллина. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 384 с. ISBN 9785444822999.

Михаил Наконечный, Александровский институт, Университет Хельсинки, Финляндия. mikhail.nakonechnyi@helsinki.fi.

Летом 2024 года издательство «Новое литературное обозрение» выпустило перевод монографии американского историка Алана Баренберга о Воркуте (Barenberg 2014). Эта работа без преувеличения является одним из самых значительных исследований ГУЛАГа в англоязычной историографии. С момента ее выхода в издательстве Йельского университета в 2014 году она получила заслуженное признание, удостоившись премии Канадской ассоциации славистов (2015), а также почетного упоминания на конкурсе премии Вучинича за выдающийся вклад в изучение России, Восточной Европы и Евразии (Ассоциация славянских, восточно-европейских и евразийских исследований).

Особое достоинство книги состоит в ее уникальной источниковой базе, со временем ставшей еще ценнее. Несмотря на то, что в начале 1990-х годов власти рассекретили фонды центрального аппарата ГУЛАГа НКВД СССР (Р-9414), Главного тюремного управления НКВД (Р-9413), а также части производственных главков, доступ к местным лагерным архивам остался крайне ограниченным. Делопроизводство управлений лагерей, колоний и тюрем – десятки миллионов дел – так и не было передано в систему государственных архивов и по-прежнему хранится в практически закрытой ведомственной архивной системе ФСИН и МВД¹. Этот фундаментальный дисбаланс в доступности источников, вопреки расхожим стереотипам о полном рассекречивании, существенно повлиял на интерпретации и оптику множества исследований о ГУЛАГе после 1991 года.

Архив Воркутинского исправительно-трудового лагеря – ключевой для работы Баренберга – никогда не передавался на госхранение. Однако в начале 2000-х годов у исследователей еще сохранялся ограниченный доступ к документам местных лагерных управлений. Именно в этих архивных фондах сосредоточен богатейший эмпирический материал о повседневной жизни лагерного сообщества, охраны и администрации. Написать по-настоящему глубокую социальную историю ГУЛАГа, опираясь только на материалы центрального аппарата и мемуары, практически невозможно. Баренбергу же удалось объединить две оптики – центральную и периферийную – и поработать как в открытых государственных архивах (Национальный архив Республики Коми, Государственный архив Российской Федерации), так и в ведомственном архиве Главного

¹ Редкими исключениями выступают Безымянлаг, Бамлаг, Вятлаг, Карлаг, Севвостлаг и ряд других лагуправлений, на основе местных документов которых были выпущены качественные работы (см. Бацаев 2002; Бацаев и Козлов 2002; Бердинских 2001; Захарченко и Репинецкий 2008; Широков 2014; Barnes 2011).

управления исполнения наказаний Минюста РФ (ГУИН; ныне – ФСИН), где хранится уникальный и обширный фонд Воркутлага. Сегодня этот архив закрыт для гражданских исследователей и, по всей вероятности, останется недоступным неопределенное время.

Исследование не просто восполняет эмпирические пробелы в историографии принудительного труда и советской городской истории, но и предлагает концептуально новое понимание природы границы между лагерем и обществом в СССР. Так, Баренберг сознательно отходит от известной метафоры Александра Солженицына, представлявшего ГУЛАГ как архипелаг островов, отделенный от страны непроницаемой завесой секретности и колючей проволокой. Основной тезис книги состоит в том, что реальная граница между смертоносным лагерем и гражданским пространством была куда более проницаемой и зыбкой, чем предполагалось ранее.

Автор отказывается от упрощенной дихотомии «лагерь – город». Воркута в его интерпретации предстает не как два противоположных и четко отделенных друг от друга социума – лагерный и городской, – а как единое социальное пространство, в котором неожиданным и порой причудливым образом переплетались пути заключенных, вольнонаемных работников и освобожденных. Судьбы этих людей, по наблюдениям Баренберга, были связаны гораздо теснее, чем это традиционно представлялось в историографии.

Помимо заключенных и работников пенитенциарной системы, героями монографии становятся и сам Воркутлаг, добывавший стратегически важный для советского руководства ресурс – уголь, и город Воркута. Эти два полюса – лагерного и гражданского – намеренно объединены в повествовании. Основой для такого объединения служит долгий и трудный процесс трансформации лагерного комплекса в моногород, до сих пор несущий на себе отпечаток производственной, инфраструктурной, социальной и даже морально-этической культуры ГУЛАГа.

Стремясь показать глубину социальных связей между «волей и неволей», автор обращается к малоизученным сюжетам: системам патронажа и nepoтизма со стороны лагерных начальников по отношению к малочисленной группе привилегированных заключенных; феномену так называемых «засонников» – расконвоированных заключенных, находившихся вне зоны строгой изоляции и активно контактировавших с вольнонаемными и их семьями; а также к судьбам множества узников после освобождения. Баренберг подробно описывает трудности интеграции бывших заключенных в гражданскую жизнь, включая тему их дискриминации и стигматизации уже после смерти Иосифа Сталина в 1953 году.

В первой главе, «От окраины к тылу. Воркута как форпост», Баренберг рассказывает о начальном этапе освоения региона в начале 1930-х годов силами политической полиции (Объединенное государственное политическое управление, ОГПУ) и заключенных. Автор подробно рассматривает первые экспедиции по разведке угольных месторождений в автономной области (затем – республике) Коми. Особое внимание уделяется созданию и деятельности Усинского отделения Ухтпечлага – предшественника Воркутлага. Уже в те годы лагерный ком-

плекс обрел четкий производственный профиль – добычу угля, ключевого ресурса для форсированной индустриализации и реализации нереалистичных планов первых пятилеток. Баренберг обстоятельно описывает тяжелые условия колонизации удаленных и малообжитых районов силами заключенных. Первые партии подневольных работников, заброшенные в совершенно необустроенные лагпункты и лаготделения, особенно сильно пострадали во время массового голода 1932–1933 годов. Подробно освещается и экстремальный по уровню государственного насилия период Большого террора 1937–1938 годов, самым непосредственным образом затронувшего и лагерную систему.

Во второй главе, «Спасти Ленинград, основать Воркуту. Лагерь и город во время войны», автор предлагает панорамную и нюансированную картину наиболее тяжелого этапа существования лагеря-города в 1941–1945 годах. В условиях блокады Ленинграда поставки воркутинского угля приобрели для СССР критическое значение. В результате сверхэксплуатация принудительного труда в шахтах возросла до беспрецедентных пределов, совпав с резким ухудшением снабжения. Материальные условия, которые были крайне тяжелыми уже в 1930-е годы, стали катастрофическими. Повышение же Москвой производственных планов, ужесточение наказаний за их провал в совокупности с голодом и издевательствами низовой администрации спровоцировали массовую заболеваемость и гибель заключенных от голода.

Помимо катастрофы военного времени, Баренберг подробно анализирует системы патронажа лагерных начальников: единичным заключенным удавалось спастись от тяжелейших общих работ в угольных коях благодаря протекции всемогущих «покровителей» из НКВД (Леонид Тарханов, Михаил Мальцев и Алексей Кухтиков). Однако несмотря на отдельные попытки сопротивления², арестанты оставались почти полностью бесправными и беззащитными перед работниками ГУЛАГа.

Наконец, отдельное внимание уделяется зарождению Воркуты как города. Автор исследует формирование гражданской инфраструктуры, своеобразного социума «плавильного котла» из вольнонаемных и освобожденных арестантов, генезис первых городских служб и органов управления и их непростые взаимоотношения с лагерным руководством из числа чекистов, работников НКВД.

В главе 3, «В поисках “нормальности”». Воркута в период послевоенного сталинизма», Баренберг фокусируется на послевоенной стабилизации и попытках властей создать видимость «нормальной» жизни в Воркуте, которая, несмотря на некоторое улучшение материально-бытовых условий, продолжала характеризоваться высоким уровнем насилия, эксплуатацией больных и умирающих заключенных, особенно во время голода 1947 года. Автор показывает, как появление новых стимулов в репертуаре администрации (зачеты рабочих дней, зарплата, досрочное освобождение), относительное улучшение продовольственного снабже-

² Например, в этой же главе Баренберг тщательно описывает Усть-Усинское восстание 1942 года под руководством Марка Ретюнина – самое масштабное вооруженное восстание заключенных в военные годы, жестоко подавленное НКВД.

ния и расширение строительства города не устраняли социальной напряженности и мрачной изнанки лагерной жизни.

Центральное место в главе 4, «Воркута в кризисе. Реформа и ее последствия», занимает забастовка заключенных в Речлаге, так называемом Особлаге, летом 1953 года. Крупнейшее организованное выступление подневольного населения в истории воркутинской лагерной системы – его причины и динамику Баренберг детально разбирает: начало в шахте, распространение волнений по другим отделениям лагеря, создание самоуправляемых комитетов заключенных, попытки диалога с администрацией и властями. Особое внимание уделяется тому, как эта забастовка стала частью общего структурного кризиса ГУЛАГа после смерти Сталина.

В главе 5, «“Второе рождение” Воркуты. Формирование моногорода», Баренберг показывает, как после амнистий и ослабления лагерной системы начинается активное строительство моногорода. Он рассказывает о поиске «постоянных кадров» для шахт и предприятий Воркуты, массовом переезде новых рабочих, развитии социальной инфраструктуры и создании полноценного индустриального центра с гражданским населением.

Наконец, в главе 6, «Из заключенных в граждане? Бывшие заключенные и трансформация Воркуты», автор анализирует судьбы бывших узников: массовые освобождения, попытки реабилитации, а также широко распространенную дискриминацию на работе и в повседневной жизни. Баренберг пытается ответить на вопрос, почему так много бывших заключенных остались в Воркуте после освобождения. Причины этого заключались не только в ограничениях на передвижение, но и в наличии работы и жилья, а также разрушении семейных связей в результате террора и принудительных миграций. Главу завершает анализ трансформации Воркуты в моногород, где бывшие узники стали частью местного сообщества.

В эпилоге автор прослеживает судьбу города после 1991 года. Он пишет об экономической стагнации, депопуляции и демографическом кризисе после распада СССР, о поисках новой идентичности, а также о проблемах сохранения памяти о массовых репрессиях и лагерном прошлом Воркуты.

Образец социальной истории высокого уровня, книга Баренберга затрагивает как историю репрессивных институтов, так и советской периферии. На примере Коми АССР, где располагался Воркутлаг, монография позволяет по-новому взглянуть на один из ключевых сюжетов истории советской пенитенциарной системы – постепенную трансформацию Воркуты из лагерного комплекса союзного значения в советский моногород. Автор умело сочетает исследование административных особенностей лагерной системы, повседневности жизни заключенных, восстаний и протестов с анализом социальной трансформации города и судеб бывших узников. Особенная ценность работы – документы архива ГУИН (ФСИН), недоступные большинству современных исследователей. Монография представляет интерес для историков ГУЛАГа и советской уголовно-исполнительной системы, а также юристов, социологов, криминологов и исследователей городской истории СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бацаев, Игорь. 2002. *Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932–1953). Дальстрой*. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН.
- Бацаев, Игорь и Александр Козлов. 2002. *Дальстрой и Севвостлаг ОГПУ-НКВД СССР в цифрах и документах. Часть 1, 1931–1941*. Под ред. А. И. Лебединцева. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН.
- Бердинских, Виктор. 2001. *История одного лагеря (Вятлаг)*. М.: Аграф.
- Захарченко, Алексей и Александр Репинецкий. 2008. *Строго секретно. Особстрой-Безымян-лаг. 1940–1946 гг.: Из истории системы лагерей НКВД СССР в Куйбышевской области*. Самара: Научно-технический центр.
- Широков, Анатолий. 2014. *Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока СССР (1930–1950 гг.)*. М.: РОССПЭН.
- Barenberg, Alan. 2014. *Gulag Town, Company Town: Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Barnes, Steven Anthony. 2011. *Death and Redemption: The Gulag and the Shaping of Soviet Society*. Princeton, NJ: Princeton University Press.